

## А.Н. Стрижев

### Андрей Николаевич Муравьев

## А.Н. Стрижев

Замечательный церковный историк и духовный писатель Андрей Николаевич Муравьев родился в Москве 30 апреля 1806 года. Его отец – Николай Николаевич Муравьев (1768–1840), известный математик, генерал-майор, основатель Училища для колонновожатых – готовил боевых офицеров русской армии. С 1816 по 1823 год в муравьевском доме на Большой Дмитровке обучили целый корпус офицеров – 138 молодых людей, выше жизни ценивших ратные подвиги, честь и славу оружия. Летом воспитанники занимались в сельце Осташево, под Можайском, в родовом имении учредителя заведения. Зимой 1823 года Училище колонновожатых перевели в Петербург, а девять лет спустя там же преобразовали в Николаевскую академию Генерального штаба. Мать писателя, Александра Михайловна (1768–1809), происходила из знатного рода Мордвиновых. Андрей Николаевич назван в память апостола Андрея Первозванного.

Мальчик получил хорошее домашнее воспитание. Для его обучения пригласили преподавателя российской словесности, поэта и переводчика Семена Егоровича Раича (1792–1855), родного брата Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова). Другой ученик Раича – Федор Тютчев. После знакомства дворянские отроки сдружились, полюбили друг друга, и юный Тютчев несколько позднее посвятит Муравьеву свое стихотворение «Нет веры к вымыслам чудесным». О Раиче-Амфитеатрове Андрей Николаевич на склоне лет вспоминал так: «Не будучи сам оригинальным поэтом, Раич имел, однако, тонкий образованный вкус и, по духу того времени, страстно любил поэзию, которой, можно сказать, посвятил всю свою жизнь. Многие перевел он на родной язык, но лучшим его произведением были Вергилиевы «Георгики», по трудности и верности перевода этой поэмы»<sup>1</sup>. В литературном кружке, который собирался в муравьевской усадьбе под Можайском, всегдашними были Н. И. Полевой, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, В. Ф. Одоевский, Н. В. Путята и будущий издатель «Русской беседы» славянофил А. И. Кошелев.

При таком наставнике Андрей Муравьев не мог не увлекаться переводами. Сперва он целиком переложил прозой, а затем и гекзаметром

«Энеиду» Вергилия, затем «Телемака» Фенелона и несколько книг Тита Ливия. Пробует и сам писать стихи, увлекается Г. Р. Державиным и И. И. Дмитриевым.

И вот юность позади, начинается самостоятельная жизнь. В мае 1823 года Андрей Николаевич после некоторых колебаний поехал служить юнкером в егерский полк, расквартированный в Тульчине (Украина). По дороге к месту назначения юноша едва не утонул в Днепре. Стояла большая полая вода, Днепр под Киевом разлился на целых пять верст в ширину, к тому же разбушевалась буря. Но Андрею Николаевичу так хотелось поскорее приложиться к киевским святыням, что он не стал дожидаться благоутишия, сел в челнок и в бурю поплыл по коварным волнам. Смерти, казалось, не отвратить. Но Господь пощадил, и ревностный богомolec вместе с рыбаками был выброшен на берег как раз в том месте, где на Почайне равноапостольный князь Владимир крестил народ. Муравьев припал к святой земле, благодарил угодника Божия за спасение, обещая все силы отдать прославлению Христовой Церкви и ее святынь. После посещения Печерской лавры и старинных соборов он и вовсе пришел в неописуемый восторг, решив при первой же возможности навсегда водвориться в Киеве.

Но возможность такая представилась лишь на закате его жизни. А пока армейские будни, переходы, позже, в Турецкой войне, – сражения. На Балканах в боевой обстановке прапорщик Муравьев знакомится с поэтом Алексеем Хомяковым (1804–1860), служившим в ту пору в Белорусском гусарском полку. Потекли литературные беседы, вновь вспыхнула страсть к творчеству – Муравьев наскоро пишет пьесы «Царьградская обедня» и «Царьградская утренняя»; как недостаточно отделанные, творения эти остались в рукописях. Тогда же, в Петербурге, увидел свет сборник стихотворений «Таврида», неблагосклонно принятый критиками. Впрочем, другие стихи Андрея Николаевича и сам Пушкин встретил «с надеждою и радостию». А сколько задумано осуществить!

Муравьев решает перейти на светскую службу. Для этого надобно сдать экзамен в Московский университет, чтоб получить чин. Когда все устроилось, Муравьева определили в Коллегию иностранных дел, причислив к дипломатической канцелярии главнокомандующего Второй армией. Служба в канцелярии продолжалась до окончания Турецкой войны в 1829 году.

Вернувшись с поля битв и сражений, сильный, рослый, благовоспитанный офицер всецело становится на путь духовного познания мира. Сначала он поставил цель посетить Святую Землю. Через генерала

И. И. Дибича Муравьев добился разрешения отправиться в Палестину, куда и прибыл, минуя Константинополь и Александрию. Как глубоко верующий христианин, Андрей Николаевич душою и сердцем постигал здесь Божественную благодать, почившую на святынях, облагоуханных нетлением. А постигнув величие и духовную красоту Святых мест, Муравьев еще и сумел об этом рассказать вдохновенно. Его книга «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» сразу же снискала сочинителю громкую известность. Одним из первых на ее выход откликнулся Александр Пушкин. В его отзыве на книгу читаем: «С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г-на Муравьева... Он посетил Св. места, как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя». Пушкин отмечает, что «молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного... Ему представилась возможность исполнить давнее желание сердца, любимую мечту отрочества... о ключах Св. Храма, о Иерусалиме»<sup>2</sup>.

Благодаря книге Муравьева русские люди приобщались читать произведения духовных писателей. Спустя много лет профессор Московской Духовной академии Петр Симонович Казанский (1819–1878) вспоминал о впечатлениях семинаристов от чтения духовного труда Муравьева: «Живо помню я, какое громадное впечатление произвела на нас эта книга. Живость языка, картинность образов, горячие чувства благочестия и самый внешний вид книги, напечатанной на хорошей бумаге и хорошим шрифтом, были чемто новым, небывалым для того времени. Заполучив книгу, мы не спали ночь, пока не прочли всю ее»<sup>3</sup>. По отзывам современников, из всех книг Муравьева именно эта была наиболее отделанной и совершенной. Да и немудрено, ведь рукопись просматривали такие выдающиеся люди, как В. А. Жуковский и московский святитель Филарет (Дроздов). Они собственноручно внесли в текст значительную смысловую и стилистическую правку. Помог и цензор О. И. Сенковский, особенно в части истории и обычаев Востока.

Выход в свет этого произведения решительно повлиял на судьбу Андрея Николаевича. После поднесения книги Государю Императору автора определяют обер-секретарем в Святейший Синод, а успех сочинения повлиял на выбор предмета и характер всей будущей его литературной деятельности. Книга выдержала десять изданий и была переведена на ряд европейских языков.

Чтобы приучить кичливых аристократов держаться церковных уставов, Андрей Николаевич пишет и печатает «Письма о Богослужении» с подробным изложением эстетических переживаний богомольцев. Этим самым он хотел заронить в души отщепенцев тягу к сокровищам некрадомым, к религиозному созерцанию мира. Надо сказать, что к тому времени многие люди из достаточных семей вовсе разучились понимать церковнославянский язык. Да и как его понимать, если они по-русски говорили с трудом! Письма эти были прочитаны и поправлены владыкой Филаретом. Собранные в книгу из четырех частей, они были напечатаны в 1836 году. Светские ученые высоко оценили труды Муравьева: в том же году его избрали академиком Российской академии наук.

Коронная служба в духовном ведомстве, руководимом князем Петром Сергеевичем Мещерским (годы обер-прокурорствования 1817–1833), – значительная полоса на чиновничьем поприще А. Н. Муравьева. Синод тогда занимал два ближайших к Неве прясла здания двенадцати коллегий. Благоговейная обстановка, строгое чинопочитание – все это было во вкусе времени. Особенно поражала торжественная обстановка присутственной палаты, где проводились заседания с правящими архиереями. По воспоминаниям одного из современников, палата была «вся обита и драпирована малиновым бархатом с золотыми кистями и бахромою; посредине присутственный стол, покрытый таким же бархатом с золотым же убором; пред столом во главе тронное кресло, а по сторонам шесть кресел для членов синодального присутствия; слева стол для обер-прокурора с одним для него креслом и стулом для чиновника за обер-прокурорским столом, а справа стол обер-секретарский с двумя стульями; против тронного кресла налой для докладчика, а за ним несколько поодаль – такой же для протоколиста. Вся вообще мебель богатая, но не столько изящная, сколько величественная.

На присутственном столе, кроме зеркала в середине, крест и Евангелие пред тронным креслом и Библия – пред налом докладчика. За тронным креслом – портрет царствующего Государя, а по сторонам по пьедесталам и в дорогих ковчегах мощи Андрея Первозванного и подлинный духовный регламент Петра Великого. В переднем углу образ Спасителя, в заднем – огромные старинные часы, а по стенам, в приличных местах, два или три царских портрета. Словом, присутственная комната Святейшего Синода, или, как ее называют официально, камера, поражая входящего и величием, и святостью, представляется ему как некое святилище или как богато убранный алтарь, особенно когда персоны бывают в мантиях, например, на архиерейских наречениях»<sup>4</sup>.

Родовитый, благовоспитанный, религиозный читатель монашесствующего духовенства, А. Н. Муравьев, несмотря на молодость, высоко ставился сослуживцами как возможный обер-прокурор. Такую цель вроде бы себе поставил и Андрей Николаевич, да и святитель Филарет прозревал подобное завершение его служебного продвижения. Но человек предполагает, а Господь располагает. Благодаря лести и тонким интригам обер-прокурором назначили Степана Дмитриевича Нечаева, который за недолгий срок начальствования (1833–1836) нанес присутствующим иерархам и синодалам множество обид. Совсем не считаясь с мнением сослуживцев, этот честолюбец затеял ограничить архиерейскую власть, в первую очередь отодвинуть в сторону опору Синода – владыку Филарета. Для начала Нечаев вошел в сношение с жандармами и от их лица писал доносы на архиереев и синодальных чиновников. Внешне властолюбец делал вид, что сокрушается и сочувствует оклеветанным, на деле же все круче возводил свои изветы. Упор делался на толки, будто владыки самочинно утверждают кандидатуры на архиерейские кафедры, минуя обер-прокурора и даже самого Государя. Нечаев подговаривает митрополита Филарета составить оправдательную записку и высказать свое мнение по поводу бездоказательных слухов. Высокопреосвященный подготовил такую записку, но вручить ее доверил обер-прокурору. А Нечаеву только того и надо: на высочайшей аудиенции он извратил мнение владыки своими измышлениями. Государь разгневался на знаменитого митрополита, найдя в нем чуть не противника верховной власти.

Нечаев и далее не останавливался грешить против совести. Он стал представлять на утверждение Императору кандидатуры архиереев, не указанных в записке членов Синода. Подлог не мог сойти с рук, синодалы искали случая избавиться от лгуна. И случай такой представился: летом 1836 года Нечаев вынужден был по семейным делам надолго отлучиться из столицы, и ведомство осталось без начальника. Тогда Андрей Муравьев при поддержке сослуживцев отважился на решительный шаг – сместить Нечаева. Он поехал к первенствующему члену Синода, Петербургскому митрополиту Серафиму (Глаголевскому), чтобы упросить его войти с докладом к Государю Николаю Павловичу о перемене обер-прокурора. Владыка согласился и, будучи на приеме у Государя, на вопрос, кем заменить предместника, назвал графа Николая Александровича Протасова, бывшего правой рукой министра народного просвещения. Впоследствии скажут, что это было сделано с подачи Муравьева, поскольку Протасов, с его гусарскими замашками, соперник несерьезный. К тому же и человек

он бездуховный: посидит временно и уйдет, уступив свое место Андрею Николаевичу – «готовому обер-прокурору»<sup>5</sup>. И Протасов сел в начальствующее кресло, но не временно, а на долгие годы (1836–1855). Его обер-прокурорство отмечено разгулом формализма, увеличением штатов в Синоде, самодурством в отношениях с духовными лицами. Правда, граф Протасов исходатайствовал А. Н. Муравьеву звание камергера, поручил ему издание нового перевода Правил Вселенских и Поместных Соборов, но то частности.

В 1837 году Андрей Николаевич сопровождает Наследника престола цесаревича Александра в его паломничестве по московским святыням – от Нового Иерусалима до Троице-Сергиевой лавры. Посетили они также Кремль и близлежащие монастыри. Свои путешествия по святым местам русским – а Муравьев уже исходил и изъездил практически всю европейскую часть Отечества – он стремился описать своим чутким пером. Его книги стали доступными любому грамотному человеку; повсюду душеспасительное чтение входило в народный обиход.

Для духовных училищ Муравьев издает толкование Символа веры, а для нетвердых в вере молодых людей – «Письма о спасении мира Сыном Божиим». Перебежчиков в униатство он изобличает в двоедушии и измене отеческой традиции. С благословения митрополита Филарета Андрей Николаевич приступает к созданию церковно-исторических книг. Особое внимание в архивных разысканиях уделяет истории Русской Церкви, для этого несколько раз посещает Москву и Киев, встречается с правящими архиереями, за что получил упреки со стороны Протасова. После удаления из Синода владыки Филарета Муравьев незамедлительно подал прошение об увольнении (июнь 1842 г.). Московский святитель на этот поступок откликнулся так в письме к Муравьеву: «Ваши писательские занятия в сие время составляли деятельную и полезную службу Церкви и духовному просвещению. Утешаюсь тем, что вы приемлете происшедшую перемену со вниманием и послушанием к путям Провидения и с христианским миром чувствований».

Оставив Синод, Муравьев перешел в общее присутствие Азиатского департамента, а с 1846 года он определен чиновником особых поручений при этом же ведомстве (состоял до 1866 г.). Андрей Николаевич свободно располагал своим временем и, путешествуя, мог сочинять. Еще в 1845 году он побывал в Риме, свои размышления о поездке изложил в письмах к святителю Филарету. Когда «Римские письма» напечатали, их с пользой прочли ревнители Православия. Агенты католицизма и униаты, напротив, подняли шумную волну опровержений, выискивая и между строк

антипапский оттенок. Особенно неистовствовал перебежчик в католичество князь Николай Борисович Голицын. В Париже он издал бесцветную книжку с замечаниями на «Римские письма» Муравьева, неубедительную и весьма схоластическую. Андрею Николаевичу пришлось отвечать на эти замечания, и позицию православного он защитил достойно.

С сентября 1846 до июля 1847 года А. Н. Муравьев находился в Грузии и Армении, и это свое путешествие тоже ярко описал. В 1848 году он посетил приволжские города, что нашло отображение в книге «Мысли о Православии при посещении Святыни русской». В следующем году – Афон, Иерусалим, Миры Ликийские, где некогда пребывала величайшая христианская святыня – мощи угодника Божия Николая. В Мирах Андрей Николаевич скорбел при виде руинированного монастыря всесветно чтимого святителя и решил про себя все силы приложить на его восстановление. Было положено начало сбору средств. Полвека спустя на эти и другие средства Императорское Палестинское общество построит подворье и церковь в Бари.

Муравьев писал быстро и много, его книги в огромном числе издавали и переиздавали, одно время на средства графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. Дворяне, духовенство, купцы тогда были главными читателями духовной литературы. Муравьев проложил путь благочестивой книге в широкие слои русского общества, и в этом его огромная заслуга перед историей Русской Церкви. Обратил внимание Андрей Николаевич и на демонические увлечения Неверов, сурово избличая сатанинские культы. В исторических разысканиях Андрей Николаевич обращал особое внимание на материалы, ранее неизвестные либо малоизученные. Он впервые опубликовал дело о патриархе Никоне, документы о связях Русской Церкви с Восточными Церквями, собрал множество свидетельств о православных подвижниках благочестия, издал 12 книг житий святых.

Муравьев как церковный публицист весьма созвучен своему времени. Не было ни одного существенного вопроса, поставленного духовным управлением, на который бы не последовал его ответ. А со своей мечтой стать обер-прокурором Муравьев расстался лишь в 1865 году. «Люди не допускают меня быть обер-прокурором, – печаловался он одному знакомому, – но предназначение не мимо идет – меня теперь слушают и патриархи, и митрополиты». Во многом так оно и было: к его посредничеству прибегали предстоятели славянских Православных церквей, да и отечественные иерархи не гнушались им. Что касается церковного руководства, то Муравьев стоял за соборное, патриаршее

правление в России.

Давно у Андрея Николаевича созрела мысль покинуть Санкт-Петербург и поселиться в Москве. Дмитрий Николаевич Шереметев, сын Прасковьи Жемчуговой, предложил Муравьеву занять флигель в его останкинском дворце. Переезд состоялся, и Останкино произвело на писателя исключительно благоприятное впечатление. Здесь в 1853 году Муравьев приступил к написанию книги «Русская Фиваида на Севере» – пожалуй, одного из самых лучших своих творений. Работа продвигалась быстро, ведь северные обитатели он посещал лично, и воспоминания легко ложились на бумагу. Исторических же источников в портфеле преизобильно – собирал годами. Книга живо воссоздает быт и уклад монастырей, основанных учениками и последователями преподобного Сергия. Книга посвящена великой княгине Елене Павловне (1806–1873), жене великого князя Михаила Павловича, покровительнице муз. Замечательное сочинение Муравьева о путешествии к северным обитателям, к сожалению, мало доступно даже собирателям книг, поскольку, в отличие от других его творений, не переиздавалось до 1999 года, когда издательство «Паломник» выпустило в свет этот замечательный труд, оцененный по достоинству благочестивыми читателями. Теперь издательство «Паломник» переиздает другую редкую книгу А. Н. Муравьева – «История Российской церкви». Этот труд написан доступным языком, содержание изложено четко и ясно, так что православное юношество наконец получит для чтения весьма полезное пособие.

Недолго жил в останкинском дворце Шереметевых Андрей Николаевич. Не приведи Бог обосновываться писателю в чужом доме, тем более под надзором дворецких и разной челяди, да еще с характером Муравьева и его причудами. «Выжили из Останкина, где мне было так приятно» – фраза неслучайная. В 1854 году Муравьев наведалься в Киев. Здесь приобрел гористый пустырь вблизи церкви Андрея Первозванного, велел расчистить его, развести сад, для начала поставить избу. Но окончательно поменял Петербург на Киев лишь после отставки по службе в 1866 году. К тому времени в Киеве среди собственного сада уже возвышался добротный дом, построенный на занятые средства; часть расходов удалось погасить за счет пожертвований Государя. Теперь литератор не столько творил, сколько говорил: ни один любознательный путешественник к киевским святыням не обходился без сопровождения Андрея Николаевича.

В 1869 году Киев посетила Императрица Мария Александровна, в ее свите состоял и Федор Иванович Тютчев, только что вернувшийся из



родового имения Овстуг. Старые приятели неделю провели в беседах, Муравьев водил поэта осматривать церковные древности седого града. Общение с другом Тютчев отобразил в дивных стихах, написанных вскоре после отъезда из Киева:

Там, где на высоте обрыва  
Воздушно-светозарный храм  
Уходит ввысь – очам на диво,  
Как бы парящий к небесам;  
Где Первозванного Андрея  
Еще поднесь сияет крест,  
На небе киевском белея,  
Святой блюститель этих мест, –  
К стопам его свою обитель  
Благоговейно прислоня,  
Живешь ты там – не праздный житель –  
На склоне трудового дня.  
И кто бы мог без умиленья  
И ныне не почтить в тебе  
Единство жизни и стремленья  
И твердость стойкую в борьбе?  
Да, много, много испытаний Ты перенес и одолел...  
Живи ж не в суетном сознанье  
Заслуг своих и добрых дел;  
Но для любви, но для примера,  
Да убеждаются тобой,  
Что может действенная вера  
И мысли неизменный строй.

В ответном письме Андрей Николаевич благодарил поэта за внимание: «Искренне благодарю Вас, многоуважаемый Федор Иванович, за Ваше поэтическое послание, которое очень пришлось мне по сердцу как выражение доброго Вашего обо мне суждения, изложенного в звучных Ваших стихах. Меня это весьма тронуло и утешило и еще более приковало меня к скале Андреевской, которую Вы так живописно изобразили»<sup>6</sup>.

В Киеве Муравьев подготовил к печати весьма обширную переписку с митрополитом Филаретом; деньги на издание выделил владыка Иннокентий, и 500 экземпляров книги были доставлены подписчикам. Литературную работу пришлось отложить. Но деятельная натура не ищет покоя: духовный писатель, возглавляя Владимирское братство, много сил отдает защите внешнего церковного порядка, исправлению нравов

местных обывателей.

В начале августа 1874 года Андрей Николаевич серьезно занемог и 18 числа того же месяца скончался. Погребен в подземном приделе церкви Андрея Первозванного, чье небесное покровительство он свято чтит всю жизнь. Свою любовь к Провозвестнику христианской веры на Руси Муравьев выразил в акафисте апостолу. «Авторская деятельность А. Н. Муравьева принесла в свое время несомненную пользу, доставила ему большую известность и дала право на место в истории русской литературы», – писал в некрологе на смерть своего друга Николай Васильевич Путьята<sup>7</sup>. Ныне книги Муравьева обретают новую жизнь, находя читателей в среде ревнителей отечественной православной культуры.

---

## Примечания

- <sup>1</sup> - Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 4–5.
- <sup>2</sup> - Пушкин А. С. "Путешествие ко Святым местам» А. Н. Муравьева / ПСС. Т. XI. М., 1949. С. 217.
- <sup>3</sup> - Казанский П. С. Воспоминание об А. Н. Муравьеве / Душеполезное чтение. 1977. Март. С. 361.
- <sup>4</sup> - Исмаилов Ф. И. Воспоминания бывшего синодального секретаря / Странник. 1882. Сентябрь.
- <sup>5</sup> - Этот эпизод весьма едко представлен Николаем Лесковым в очерке «Синодальные персоны» / Исторический вестник. 1882. Т. X. С. 373–409.
- <sup>6</sup> - Тютчев Ф. И. Лирика. М., 1965. Т. 3. С. 400.
- <sup>7</sup> - Путята Н. В. Заметки об А. Н. Муравьеве / Русский архив. 1876. Кн. 2. С. 357–358.

## Содержание

А.Н. Стрижев Андрей Николаевич Муравьев А.Н.	1
Стрижев	
Примечания	11